

книга профессионала

Светлана Бардина

ЭТО БРЕД!
Можно ли осмыслить
безумие?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б 24

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Бардина, Светлана.
Б24 Это бред! Можно ли осмыслить безумие? / Светлана Бардина. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 224 с. — (Книга профессионала).

ISBN 978-5-17-110462-7.

Книга рассказывает о психических расстройствах с неожиданной стороны — заболевания показаны глазами философов. Здесь предлагается альтернативный взгляд на природу психических расстройств, основанный на интерпретации опыта пациентов философскими методами.

Вы получите ответы на следующие вопросы:

— Как осмыслить переживания психически больных людей?

— Можно ли понять бред? Где проходит граница между нормой и патологией?

— Что отличает «безумные идеи» от настоящего безумия?

Светлана Бардина — философ, занимается исследованиями в сфере философии психиатрии. Закончила философский факультет МГУ, кандидат философских наук, преподаватель МВИСЭН («Шанинки»)

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-110462-7.

© Светлана Бардина, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Введение

Психические расстройства интересуют далеко не только психиатров — о них говорят социологи, антропологи, философы, правозащитники, социальные работники, чиновники, писатели и сами пациенты. Все они имеют совершенно разные представления о том, что такое психическое расстройство: антрополог видит в нем проявление базовых традиций изучаемой культуры, а философ-экзистенциалист — изменение способа существования человека в мире. В обыденном языке тоже сочетаются самые разнообразные представления о психической болезни: от «неполадок в голове» до «угрозы обществу». Язык официальной медицины, обыденный язык, языки социальных наук и философских теорий и, наконец, язык самих пациентов, — каждый из них описывает психическое расстройство с той или иной стороны.

В число тех, кто имеет свое видение психической болезни, входят и философы. Лучше понять саму идею постичь смысл психического расстройства с помощью философии позволяет следующая история. В статье «Каузальные и «понятные» связи между жизненной ситуацией и психозом при *dementia praecox* (шизофрении)» Карл Ясперс дает жизнеописание одного пациента. В начале развития заболевания молодой человек сильно увлекся размышлениями над философскими вопросами (особенно ему импонировал Эдмунд Гуссерль) и понял, что не может работать «прежде, чем для него все станет ясным в философском отношении»¹. Дальнейшее течение болезни сопровождалось изменением философских взглядов, разочарованием в Гуссерле и переходом на позицию скептицизма. Вот как выглядела система его взглядов на тот момент, когда он уже пребывал в госпитале. «Он довел свое сомнение при случае до логического конца: “я не могу утверждать истину ни одного предложения, даже этого предложения, я не могу утверждать ничего, не имеет смысла разговаривать со мной, я сам совершаю бессмыслицу, если я думаю для чего-то другого, а не для сиюминутного удовольствия”. Его друзья, хотя и находили такую позицию неопровержимой

¹ *Ясперс К.* Каузальные и «понятные» связи между жизненной ситуацией и психозом при *dementia praecox* (шизофрении) // *Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии.* М.: Академия, Белый кролик, 1996. С. 112–237. С. 180.

и логичной, считали, однако, что ее реализация возможна только в сумасшедшем доме. При этих словах больной внезапно вспоминает, где он находится, и смущенно говорит: “Ах, я ведь в сумасшедшем доме”»¹.

Суть этой истории не только в том, что шизофреник может с интересом читать философские труды, и не в том, что философы и психически больные иногда задаются схожими вопросами. Этот случай наглядно иллюстрирует, что в психическом расстройстве есть содержание, которое может даже иногда производить впечатление «неопровержимых и логичных» мыслей. Можно ли исследовать и осмыслить это содержание? Психиатрия отвечает на этот вопрос отрицательно. Между тем в философии не раз предпринимались попытки найти средства, которые позволили бы говорить о смысловом пласте психической болезни.

В конце прошлого века возникло движение, которое получило название «философия психиатрии» (*philosophy of psychiatry*). В этом движении провозглашалась² необходимость совмест-

¹ Там же. С. 181–182.

² Fulford B., Thornton T., Graham G. *Oxford Textbook of Philosophy and Psychiatry*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006; *The Philosophy of psychiatry. A Companion* / Ed. by J. Radden. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004; Banner N., Thornton T. *The New Philosophy of Psychiatry: Its (Recent) Past, Present and Future: A Review of the Oxford University Press Series International Perspectives in Philosophy and Psychiatry* // *Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine*. 2007. No. 2 (1). Pp. 9–23.

ной работы философов и психиатров. В основу идеи совместной работы легла метафора «улицы с двухсторонним движением»¹, на которой найдется место и философским, и психиатрическим траекториям мысли.

Сама идея, что возможно знание о психической болезни, которое непосредственно связано с клинической работой, но в то же время остается философским, звучит весьма необычно. Но если такая идея может быть реализована, это означает, что само содержание психического расстройства, которое остается за рамками психиатрического объяснения, может быть осмыслено и исследовано. В этой книге мы попробуем ответить на вопрос, насколько успешной оказалась философия психиатрии и какое новое знание о психических расстройствах удастся получить в результате философских исследований.

¹ Thornton T. Wittgenstein and the limits of empathic understanding in psychopathology // International Review of Psychiatry. 2004. No. 16(3). Pp. 216–224.

Глава 1
Философия
и психиатрия:
история взаимного
интереса

Безумие и безумцы в классической философии

Психические расстройства существовали задолго до того, как возникла психиатрия. Слово «психиатрия» появляется в XIX веке; самостоятельной дисциплиной психиатрия стала не ранее XVIII века¹. Однако с определенными оговорками можно говорить о существовании «психиатрии» и «терапии душевных болезней», начиная с намного более древних времен.

Психиатр и историк Юрий Каннабих находит упоминания о психической болезни и об аналогах современной терапии уже в библейском тексте. В Книге Царств есть следующий фрагмент: «А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа. И сказали слуги Сауловы ему: вот, злой дух от Бога возмущает тебя; пусть господин наш прикажет слугам

¹ Не существует даже единой, всеми признанной даты «рождения психиатрии». Например, с точки зрения Юрия Каннабиха, рождение современной психиатрии следует отсчитывать со времен Эмиля Крепелина, с точки зрения Мишеля Фуко — с эпохи преобразований Пинеля и Тьюка. *Каннабих Ю.В.* История психиатрии. Л.: Государственное медицинское издательство, 1928; *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.

своим, которые пред тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях, и когда придет на тебя злой дух от Бога, то он, играя рукою своею, будет успокаивать тебя. <... > И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, — и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него»¹. Каннабих интерпретирует эту историю так: «Когда, приблизительно за 2000 лет до нашей эры, царь Саул болел какими-то депрессивными приступами, — библейский летописец с полной уверенностью определил их причины: бог покинул царя, и тогда злой дух вселился в него. Кем-то, однако, была предложена наиболее действительная терапия: посылали за молодым человеком Давидом, который должен был играть на струнном инструменте и петь мелодичные песни, которые он сам слагал»².

Понятно, что мы не можем с достоверностью говорить о «депрессивных приступах» библейского героя и о том, что игра Давида на гуслях была «действенной терапией». Тем не менее, первое знание о психической болезни и первые практики лечения действительно возникли очень рано, в так называемый допсихиатрический период. Тогда же появились и первые «теории» того, чем является психическая болезнь (например, результатом воздействия злого духа, как в приведенном примере). И уже в этот «допсихиатрический» период философия

¹ Библия. Первая книга Царств. 16: 14–23.

² Каннабих Ю.В. История психиатрии. С. 15.

играла важную роль в объяснении психических расстройств.

Это связано с общими закономерностями развития психиатрической мысли. Бил Фулфорд утверждает¹, что на протяжении всей истории описания и исследования психической болезни выделялись два основных полюса. Один из них — «ценностное» рассмотрение психической болезни, через призму ценностей и мировоззрения, другой — «фактическое», с позиции нарушения функционирования человеческого организма. «Ценностный» подход объясняет психическую болезнь комплексно, используя психологические и даже метафизические объяснения, «фактический» фиксируется на нарушениях органического характера. Фулфорд полагает, что в любую эпоху мы можем найти теории психической болезни, которые принадлежат как первому, так и второму направлению. Концепции психической болезни, принадлежащие «ценностному» подходу, часто основывались на идеях философов соответствующей эпохи.

Первая философская модель психической болезни (по крайней мере, в европейской культуре) возникла в античной медицине. Именно в этот период начали формироваться связанные системы представлений о расстройствах психики. По словам Беннетта Симона, «терминология, категории и ключевые способы рассуждения о сознании и о нарушениях психики, кото-

¹ Fulford B., Thornton T., Graham G. Oxford Textbook of Philosophy and Psychiatry.

рые развивались в античной Греции, наложили несмываемый отпечаток на всю последующую мысль о душевной болезни»¹. В античной мысли одновременно существовали три различные модели психики и душевной болезни: поэтическая, философская и медицинская (на практике лечение осуществлялось иногда исходя из всех трех моделей сразу). Две модели из трех, «поэтическая» и «философская», активно заимствовали философские идеи.

«Поэтическая» модель была основана на предпосылке, что психика (душа) подвержена влияниям извне, прежде всего, божественным. Эта теория «подтверждалась» отсылками к героям трагедий, которые испытывали необычные душевные состояния, инспирированные божественными силами. В «Илиаде» Агамемнон говорит, что эринии сделали его безумным, в «Одиссее» Елена аналогично утверждает, что безумием ее «наградила» Афродита². Такое объяснение было достаточно наглядным; поэтому в медицинской литературе вплоть до эпохи Возрождения упоминались герои античных трагедий, сведенные с ума богами.

«Философская» модель психической болезни представлена, например, в сочинениях Платона.

¹ Simon B. *Mind and Madness in Classical Antiquity / History of Psychiatry and Medical Psychology / Ed. by E. R. Wallace and J. Gach*. NY: Springer, 2008. P. 175–197. P. 175.

² Robinson D. *Wild Beasts and Idle Humours: the Insanity Defense from Antiquity to the Present*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

Платон создал концепцию безумия как слабости психики¹. Душа понималась им как разделенная на части (разумная, яростная, страстная), а безумие возникало как результат доминирования низших частей. Таким образом, лечение должно было состоять в исправлении этого дисбаланса. Для этого следовало, с одной стороны, соблюдать диету и выполнять телесные упражнения, а с другой — посвящать время обучению.

Другой пример «философской» концепции психического расстройства в античности — теория стоиков, согласно которой душевные болезни — это расстройства суждения. С точки зрения Цицерона, здоровье души, как и здоровье тела, заключается в гармонии. Для тела гармония заключается в правильном сочетании и взаимодействии частей организма, а для души — в правильном согласовании суждений и отсутствии нездоровых страстей². Цицерон писал, что существуют три возможных добродетельных, здоровых страсти души: радость (*gaudium*), желание (*voluntas*) и предосторожность (*cautio*). Все прочие страсти можно назвать отклонениями или расстройствами, в частности наслаждение (*laetitia*), вожделение (*libido*), страдание (*aegritudo*), и страх (*metus*). Нездорово в этих чувствах то, что они волнуют

¹ Kenny A. J. P. Mental health in Plato's Republic // Proceedings of the British Academy. 1969. Vol. 55. P. 229–253.

² Nordenfelt N. The Stoic Conception of Mental Disorder: The Case of Cicero // Philosophy, Psychiatry, & Psychology. 1997. No. 4. Pp. 285–291. P. 287.

душу куда сильнее, чем здоровые. Эти нездоровые страсти (расстройства) могут становиться причиной острых заболеваний, а те, в свою очередь, — хронических. Например, жажда денег (вожделение) может привести к острой скупости, а та — превратиться в хроническое состояние души. Таким образом, причиной психических расстройств являются неправильные, нездоровые, слишком сильные страсти.

Исходя из этого, Цицерон сформулировал следующее правило: «чтобы избавиться от несчастий, нужно исцелиться душой, а этого нельзя достичь без философии»¹. Знаменитые стоические призывы к невозмутимости (*ataraxia*) и бесстрастию (*apatheia*) можно понимать как конечную цель терапии, которую осуществляет сам человек либо его учитель. Вырабатывались даже некоторые практические приемы «терапии» (постепенность в избавлении от страданий, обсуждение со страдающим человеком как судьбы в целом, так и конкретных обстоятельств его жизни и т.п.).

Мы видим, что в тот период, когда формировались основные понятия, модели и представления о психической болезни, «ценностный» подход играл значимую роль; концепции психической болезни того времени были основаны на философских идеях. При этом такие «метафизические» модели совершенно естественно

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. Книга III. Об утешении в горе // Избранные сочинения. М., «Художественная литература», 1975.